ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ВЪ ПЕРВОЙ ХАРЬКОВСКОЙ ГИМНАЗІИ

1848 г.

Бываютъ въ жизни случаи, которые сильно запечатлѣваются не только въ памяти, но западаютъ, такъ сказать, въ душу; впечатлѣнія отъ нихъ часто не изглаживаются изъ памяти, не потому что совершилось что нибудь особенное, а просто отъ нашего собственнаго тогдашняго настроенія. Къ такимъ памятнымъ для меня случаямъ относится посѣщеніе императоромъ Николаемъ Павловичемъ первой Харьковской гимназіи, въ которой я воспитывался.

Извѣстно, что императоръ Николай ежегодно осматривалъ одинъ или нѣсколько корпусовъ своей арміи. Весною, если не ошибаюсь, 1848 г. были назначены маневры въ Чугуевѣ, въ сорока верстахъ отъ Харькова. Ожидая поэтому пріѣзда государя въ Харьковъ, тогдашній генералъ-губернаторъ Кокошкинъ старался, по возможности, украсить городъ: все бѣлилось, красилось, очищалось; готовилась роскошная иллюминація, стоившая городу до 10,000 руб., за что, говорили тогда, Кокошкинъ получилъ выговоръ отъ государя. Для насъ, юношей, время проходило тогда пріятно и весело, потому что, въ ожиданіи посѣщенія великаго гостя, въ гимназіи тоже чистили и бѣлили, такъ какъ государь, бывая въ Харьковѣ, непремѣнно осматривалъ всѣ высшія и среднія учебныя заведенія.

Наконецъ, желанный день насталъ—государь прибылъ въ Харьковъ послѣ обѣда и заѣхалъ прежде всего въ соборъ, а оттуда въ домъ генералъ-губернатора, гдѣ приготовлено было для него помѣщеніе. Вечеромъ городъ буквально залитъ былъ разноцвѣтными огнями отъ безчисленнаго множества фонарей, плошекъ, стаканчиковъ и шаровъ, увѣшанныхъ на проволокахъ въ нѣсколько рядовъ по всѣмъ улицамъ, которыя въ началѣ и въ концѣ замыкались арками или тріумфальными воротами съ вензелевымъ изображеніемъ царскаго имени. На другой день, съ ранняго утра, народъ устремился на Екатеринославскую улицу, къ дому генералъ-губернатора (нынѣ принадлежитъ Сомову), и сплошною массою покрылъ все пространство передъ домомъ, ожидая выхода царя. Извѣстно было, что онъ прежде всего посѣтитъ университетъ, потомъ ветеринарное заведеніе, потомъ вторую гимназію и затѣмъ ужъ первую. Первая гимназія помѣщалась, какъ и теперь, въ собственномъ домѣ, построенномъ

глаголемъ, одна сторона котораго (фасадъ) выходитъ на Московскую улицу, а другая — на набережную рѣки Харькова и Харьковскій мостъ. Внизу расположены были классы и больница, выходившая окнами на набережную, а вверху — дортуары, столовая, квартира инспектора и актовый залъ съ церковію. Зданіе гимназіи хотя было и новое тогда, но не отличалось удобствомъ помѣщенія: классы, я помню, были маленькіе, низкіе, и корридоръ очень узокъ; вообще зданіе было съужено, хотя постройка его производилась, говорили тогда, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ помощника попечителя, кн. Цертелева Злые языки называли почему-то домъ князя, тоже не давно построенный, третьей гимназіей. Директоромъ гимназіи или училищъ, какъ въ то время называли ихъ, былъ у насъ нѣкто Дымчевичъ, человѣкъ съ большой научной эрудиціей, но мало вникавшій въ дѣла гимназіи, которыя были очень запущены; это скорѣе былъ человѣкъ науки, а не начальникъ учебнаго заведенія; являлся онъ въ гимназію очень рѣдко, разъ или два въ мѣсяцъ, и потому мы мало знали его. Пріѣздъ государя причинилъ ему немало горя и онъ вскорѣ послѣ этого оставилъ службу. Инспекторы гимназіи въ то время почему-то часто смѣнялись, и потому немудрено, что государь нашелъ безпорядки въ заведеніи.

Говоря о начальствующихъ и служащихъ въ то время въ гимназіи, я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе и сказать нѣсколько словъ о замѣчательномъ докторѣ гимназическомъ, Н. И. Рейпольскомъ, обратившемъ на себя особенное вниманіе государя своею эксцентричностію. Старожилы харьковскіе, я думаю, хорошо помнятъ эту оригинальную личность. Зимою и лѣтомъ, не смотря на морозъ и непогоду, онъ постоянно ходилъ въ одномъ вицмундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, съ толстою палкою въ рукахъ, наперевѣсъ; короткія панталоны такого же синяго цвѣта, которыя всегда закатывались снизу во время непогоды, и большаго размѣра фуражка съ необъятнымъ козырькомъ, совершенно скрывавшимъ его старческое лицо, довершали весь костюмъ его; ни калошъ, ни зонтика, ни перчатокъ онъ никогда не носилъ; никто не видѣлъ, чтобъ онъ когда-нибудь ѣздилъ на извощикѣ одинъ или съ кѣмъ-нибудь; будучи врачемъ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, расположенныхъ въ разныхъ концахъ города, на далекомъ другъ отъ друга разстояніи, онъ постоянно ходилъ пѣшкомъ, или, вѣрнѣе сказать, бѣгалъ изъ одного заведенія въ другое. Рѣчь его отличалась своеобразностію, ему одному свойственною. Врагъ всякихъ неологизмовъ, онъ всѣ иностранныя слова замѣнялъ русскими своего собственнаго измышленія, нерѣдко съ весьма курьезной этимологіей, отчего разговорная

рѣчь его выходила иногда очень замысловатой. Такъ, напримѣръ, колоши онъ называлъ (какъ А. С. Шишковъ)—мокроступами, шинель—пакидалищемъ, бильярдъ—шарокаталищемъ, классъ или курсъ—побѣгомъ и т. п. Бороды и усовъ онъ никогда не брилъ, а обстригалъ ножницами, отчего лицо его постоянно покрыто было растительностію; сѣдые волосы онъ какъ-то искусно умѣлъ зачесывать съ затылка на передъ, прикрывая ими лысину. Не смотря на его смѣшныя стороны, всѣ его любили и уважали, потому что это былъ почтенный, умный, добрый и безкорыстный старикъ (ему тогда уже было за 60 лѣтъ), всегда готовый оказать помощь и услугу всякому знакомому и незнакомому.

Возвращаюсь къ прерванному разсказу.

На другой день пріѣзда государя, намъ, воспитанникамъ, приказано было собраться въ гимназію въ 8 часовъ утра. Затянутые въ мундирчики, выбритые, обстриженные подъ гребенку, мы выстроены были на верху, въ актовомъ залѣ: по одну сторону пансіонеры и казеннокоштные, а по другую сторону своекоштные. Начальство ожидало государя внизу. Народъ толпился у подъѣзда. Часу въ двѣнадцатомъ донесся къ намъ обычный крикъ — ура! и скоро затѣмъ промчался мимо гимназіи, на парѣ лихихъ, старшій полицмейстеръ, а вслѣдъ за нимъ — открытая коляска, въ которой сидѣлъ государь императоръ вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, за коляской мчалось множество экипажей со свитой государя.

Императоръ проѣхалъ мимо гимназіи прямо на Михайловскую площадь, гдѣ собранъ былъ на смотръ инвалидный баталіонъ. Сначала всѣ удивлены были, что государь измѣнилъ маршрутъ, но потомъ подумали, что онъ заѣдетъ на обратномъ пути, и рѣшили ждать. Однако намъ, дѣтямъ, ожиданіе это не легко досталось: собранные съ 8-ми часовъ утра и затянутые въ мундиры, мы все время были на ногахъ и ничего не ѣли, а тутъ пришлось ждать еще часа три, потому что смотръ кончился въ третьемъ часу. Но когда и на обратномъ пути государь проѣхалъ мимо, начальство рѣшило, что ждать больше нечего, что онъ, вѣроятно, не будетъ. Директоръ распустилъ насъ по домамъ, приказалъ на-скоро пообѣдать и снова собраться на всякій случай, особенно тѣмъ, которые жили по близости гимназіи. Пансіонеровъ повели въ столовую, а мы, своекоштные, разсыпались по домамъ. Начальство тоже поспѣшило заморить червяка. Всѣ удивлялись, что государь не заѣхалъ въ гимназію, а между тѣмъ случилось, какъ разсказывали послѣ, слѣдующее:

Генералъ-губернатору Кокошкину, какъ бывшему тогда попечителю Харьковскаго учебнаго округа, хорошо извѣстны были порядки

въ первой гимназіи, и ему не хотѣлось, какъ видно, показывать ее императору, а потому онъ и не напомнилъ ему о ней, когда проѣзжали мимо; но на бѣду государь самъ вспомнилъ про гимназію, подъѣзжая уже къ дому губернатора.

— А гдѣ же первая гимназія? спросилъ онъ, обращаясь къ Кокошкину.

— Проѣхали, ваше величество, она за Харьковскимъ мостомъ.

— Ступай назадъ!

Едва только я взошелъ на мостъ, какъ заслышалъ снова крикъ: ура! на Московской улицѣ и скоро увидѣлъ множество экипажей, несущихся назадъ. Впереди ѣхала знакомая уже мнѣ коляска государя. Завидѣвъ ее, я не зналъ, что мнѣ дѣлать: бѣжать-ли назадъ въ гимназію, или идти домой. Любопытство преодолѣло и я рѣшился на первое, не смотря на усталость и голодъ; но помня приказъ, отданный намъ начальствомъ, на случай встрѣчи съ государемъ на улицѣ, я остановился, вытянулся въ струнку и снялъ фуражку. Государь, проѣзжая мимо меня, сдѣлалъ подъ козырекъ, что мнѣ, мальчишкѣ тогда, много польстило. Пока я добѣжалъ до гимназіи, государь ужъ былъ тамъ. Черезъ дворъ, заднимъ крыльцомъ, я пробрался въ корридоръ, чтобъ оттуда пройти на верхъ. Государь внизу осматривалъ классы, и громкій голосъ его особенно звучно раздавался въ пустыхъ классныхъ комнатахъ. Я остановился изъ любопытства, прижался въ корридорѣ въ углу, за дверью, и сталъ прислушиваться. Государь, видимо, былъ чѣмъ-то недоволенъ.

— Это чортъ знаетъ что, а не классы! это клѣтки какія-то! Здѣсь дышать нечѣмъ, здѣсь можно морить дѣтей...

Императоръ, въ сопровожденіи блестящей свиты, вышелъ изъ четвертаго класса и направился по корридору въ больницу. Въ этомъ мѣстѣ, т. е. противъ тогдашняго IV класса, корридоръ загибалъ на лѣво и былъ полутемный, онъ освѣщался только съ правой стороны черезъ стеклянныя вверху двери V, VI, VII классовъ; какъ разъ противъ IV класса, въ концѣ корридора, вела дверь въ больницу; въ обыкновенное время она постоянно была заперта, потому что ходъ въ больницу былъ со двора, отъ этого мракъ въ корридорѣ еще больше увеличивался.

— А этотъ корридоръ какое имѣетъ назначеніе? произнесъ государь. Здѣсь только въ жмурки можно играть!..

Недовольство, видимо, росло все болѣе и болѣе.

Когда всѣ сопровождавшіе его скрылись за поворотъ въ корридорѣ, я вышелъ изъ засады и рѣшился пройти на верхъ парадной лѣстницей, что противъ швейцарской; но любопытство, свойственное

юношѣ, увлекло меня далѣе, и я на цыпочкахъ, тихонько, подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ корридоръ заворачивалъ налѣво. Государь въ это время былъ въ больницѣ. Вдругъ раздался громкій и грозный голосъ его; сильный оттолосокъ въ пустомъ корридорѣ и классныхъ комнатахъ мѣшалъ мнѣ ясно слышать слова, можно было уловить только: «на гауптвахту... на гауптвахту... директора на недѣлю... инспектора на гауптвахту»!...

Страхъ обуялъ меня и я поспѣшилъ убраться на верхъ и присоединился къ товарищамъ. Тишина въ залѣ воцарилась мертвая, слышно было, что называется, какъ муха пролетитъ; всѣ затаили дыханіе, и только эхо грознаго голоса доносилось къ намъ снизу. Самыя близкія лица къ государю говорили тогда, что рѣдко видѣли его въ такомъ раздраженномъ состояніи. Состояніе это вызвано было въ этотъ злополучный день стеченіемъ многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ: въ университетѣ государь остался сильно недоволенъ внѣшнимъ видомъ студентовъ, изъ которыхъ многіе предстали предъ нимъ небритые, нечесанные, съ длинными волосами или въ бородѣ. Одинъ изъ нихъ даже пострадалъ за это, и былъ исключенъ Кокошкинымъ изъ университета на другой же день, по отъѣздѣ государя императора изъ Харькова [1]). Другою причиной, вызвавшей неудовольствіе императора Николая Павловича, былъ неудачный, говорятъ, смотръ баталіона внутренней стражи и, наконецъ, безпорядки, найденные имъ въ гимназіи, переполнили чашу и вывели его изъ терпѣнія. Разсказывали тогда, что въ больницѣ нашелъ онъ не совсѣмъ чистое бѣлье на больныхъ, а когда приказалъ снять одѣяла, то и постельное бѣлье оказалось грязнымъ и ветхимъ. Ко всему этому присоединился еще безпорядокъ въ размѣщеніи больныхъ по койкамъ. Такъ, у одного изъ нихъ, стоявшаго у койки съ надписью: Febris cataralis, оказалось нога болитъ, а больной простудной лихорадкой стоялъ у постели съ надписью: Pleuritis. Подобнаго безпорядка на самомъ дѣлѣ не было, а случилось это отъ того, что больные, по естественному любопытству, вскакивали всякій разъ съ постелей смотрѣть въ окна, когда государь проѣзжалъ мимо, а когда онъ неожиданно вдругъ вернулся въ гимназію, они въ попыхахъ бросились по койкамъ, кто куда попалъ. Докторъ растерялся и не могъ объяснить настоящей причины подобной неурядицы, за что и посаженъ былъ

---

[1]) Послѣ онъ снова былъ принятъ, по повелѣнію уже самаго государя, которому доложили о крайне неразумной свирѣпости Кокошкина. Если не ошибаюсь, это былъ студентъ С....., нынѣ директоръ одной изъ гимназій Харьковскаго учебнаго округа. Д. И.

на недѣлю на гауптвахту; директоръ и инспекторъ—тоже на недѣлю. Почтенный старикъ Рейпольскій, прослужившій честно и безпорочно почти 40 лѣтъ, до того пораженъ былъ монаршимъ гнѣвомъ, что въ забывчивости, говорятъ, хваталъ государя, то за руки, то за полы, оправдываясь, прося помилованія и повторяя:

— Ваше величество! Я всадникъ ордена св. Владиміра... я 40 лѣтъ вѣрою и правдою служилъ вашему величеству, и на закатѣ дней своихъ напрасно страдаю за другихъ...

Государь обратился къ Кокошкину и спросилъ:

— Что это за чудакъ? о какомъ это всадникѣ онъ толкуетъ?

Ему объяснили, что это своеобразное выраженіе его, что всадникъ на языкѣ у него означаетъ—кавалеръ ордена св. Владиміра. Это-ли, жалкій-ли видъ старика, или неотступныя его просьбы, были причиною того, что гнѣвъ государя нѣсколько смягчился, и вмѣсто недѣли онъ приказалъ выдержать его на гауптвахтѣ только 3 дня.

Изъ больницы государь черезъ дворъ прошелъ на кухню, гдѣ пробовалъ щи, приготовленныя къ обѣду воспитанникамъ, и пищею остался доволенъ; потомъ направился въ актовый залъ. При входѣ его въ залъ, я, какъ теперь помню, обратилъ особенное вниманіе на лицо его, ожидая увидѣть въ немъ выраженіе гнѣва и досады, но, къ удивленію моему, ничего подобнаго не замѣтилъ, напротивъ, лицо его имѣло не суровое, а какое-то спокойное, ласковое выраженіе.

— Здравствуйте, дѣти! произнесъ онъ ласково.

— Здравія желаемъ, ваше величество! гаркнули мы дружно, какъ по командѣ, вышколенные репетиціей еще наканунѣ.

— Сколько всѣхъ воспитанниковъ? спросилъ онъ, обращаясь къ директору.

— 450 человѣкъ, ваше величество!

— Почему же такъ мало приходящихъ? спросилъ онъ, кивнувъ головою въ нашу сторону.

— Директоръ объяснилъ, что распущены по домамъ обѣдать, такъ какъ, будучи собраны съ утра, дѣти ничего не ѣли.

Государь приблизился къ казеннокоштному воспитаннику, взрослому уже, VI класса, по фамиліи Барылко, у котораго не было одной руки, и спросилъ, обращаясь къ нему:

— А гдѣ твоя рука?

— Въ землѣ, ваше величество! отвѣчалъ тотъ совершенно правильно.

— Я спрашиваю, добавилъ государь, улыбаясь, какъ ты потерялъ ее и давно-ли?

— Въ дѣтствѣ еще отрѣзали, она болѣла у меня.

Потомъ онъ обратился въ нашу сторону, и замѣтивъ стоявшаго подлѣ меня воспитанника, у котораго волосы были совершенно почти красные, подошелъ къ нему, погладилъ по головѣ и спросилъ:

— Какъ твоя фамилія?

— Михайловскій-Данилевскій, ваше императорское величество.

— Тебѣ не родственникъ историкъ Михайловскій-Данилевскій?

— Онъ приходится мнѣ двоюроднымъ дядей, ваше величество.

— Ну, смотри, учись хорошенько и будь такимъ же, какъ твой дядя, когда выростишь!

Поговоривъ еще о чемъ-то съ Кокошкинымъ, государь, обращаясь ко всѣмъ намъ, сказалъ:

— Ну, прощайте, дѣти! Смотрите, ведите себя хорошо, учитесь, ростите, а выростите—на службу!

Съ этими словами онъ направился къ выходу. Мы всѣ, пожелавъ ему счастливаго пути, послѣдовали за нимъ и провожали его до самаго экипажа.

Такъ кончилось посѣщеніе императоромъ Николаемъ Павловичемъ первой Харьковской гимназіи. Посѣщеніе это составило эпоху во внутренней жизни гимназіи, потому что скоро послѣ отъѣзда императора назначенъ былъ къ намъ новый директоръ, строгій человѣкъ, и у насъ пошли совсѣмъ другіе порядки. — Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; много событій болѣе важныхъ въ жизни моей прошло какъ-то безслѣдно, но событіе этого дня я припоминаю себѣ ясно и отчетливо, потому-ли, что въ дѣтствѣ все сильнѣе врѣзывается въ память, или, быть можетъ, потому, что такое грозное по своимъ послѣдствіямъ посѣщеніе государя не могло не сдѣлать глубокаго впечатлѣнія и на мою юную тогда натуру.

Директоръ, инспекторъ и докторъ въ тотъ же день были арестованы при гауптвахтѣ. Не помню уже хорошо, отсидѣли-ли они весь срокъ, назначенный государемъ, или нѣтъ; знаю только достовѣрно, что докторъ Рейпольскій на другой же день былъ освобожденъ, по ходатайству Кокошкина. Впрочемъ арестъ этотъ, какъ говорили тогда, не имѣлъ никакихъ худыхъ послѣдствій на дальнѣйшую служебную дѣятельность заключенныхъ, кромѣ того только, что директоръ былъ замѣненъ другимъ лицомъ; тѣмъ не менѣе однакожъ, все это не могло не подѣйствовать угнетающимъ образомъ на такого почтеннаго старика, какимъ былъ уже въ то время докторъ Рейпольскій, и онъ съ тѣхъ поръ сильно измѣнился къ худшему и сталъ неузнаваемъ.

Припоминаю объ этомъ одинъ анекдотъ, ходившій въ городѣ по поводу заключенія Рейпольскаго. Учитель русскаго языка нашей гимназіи, Д. П. Чириковъ, не отличавшійся особымъ умомъ, проходя

мимо гауптвахты и увидѣвъ доктора, сидящаго у окна, вздумалъ сострить некстати.

— Вотъ вы, Иванъ Николаевичъ, теперь, какъ звѣрь какой, сидите въ клѣткѣ.

— Да, правда твоя, звѣрей, видишь, сажаютъ въ клѣтку и на нихъ ходятъ смотрѣть, а свиньи свободно гуляютъ по улицѣ.

Иванъ Николаевичъ Рейнольскій умеръ, кажется, въ началѣ 1860-хъ годовъ, проживъ до глубокой старости и всегда пользуясь любовью и уваженіемъ всѣхъ знавшихъ и окружавшихъ его.

Д. Ильченко.

Пенза.
1881 г. октября 3.